

За чужими
ОКНАМИ

Читайте романы и повести
Юлии Лавряшиной
в серии «За чужими окнами»:

Девочки мои

Дочки-матери
на выживание

Кто эта женщина?

Простить нельзя
помиловать

Обогрей
любовью

Юлия
Лавряшина

Гости «Дома
на холме»

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии
и иллюстрация на переплете *П. Петрова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13 Гости «Дома на холме» / Юлия Лавряшина. —
Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-096821-3

Две сестры, Анита и Эля, приезжают в небольшую гостиницу под названием «Дом на холме». Они одержимы чувством мести: их мать умерла, и они уверены, что виноват популярный писатель Авдонин, которого она любила. Никто никогда не видел Авдонина, но известно, что он живет в этой гостинице. Кто же из постояльцев скрывается за писательским псевдонимом? И стоит ли вообще осуществлять задуманный план мести?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096821-3

© Лавряшина Ю., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

В древесный тоннель они вошли, сцепившись пальцами. На этом, последнем, отрезке пути вязы сплелись над дорогой ветвями и картинно застыли в свете луны. Было нечто пугающее и одновременно завораживающее в природной арке, увлекающей в неизвестность. Руки сестер тянулись друг к другу, как эти деревья — ловили, стискивали, не причиняя боли.

— Похоже, мы на месте? — пробормотала Анита. — Если на станции объяснили правильно, гостиница где-то здесь...

Хоть она и была на четыре с половиной года старше Эльки, та переросла ее на голову, и это сбивало посторонних с толку. Анита надеялась, что больше сестра не вырастет, ей ведь скоро двадцать пять. Куда уж!

— Надеюсь, наш герой действительно тут живет. — Эля шмыгнула носиком, покрасневшим от холода. — Обидно, если зря притажились... Черт, у меня пальцы уже отваливаются!

Остановившись, Анита выпустила чемодан из рук и оттянула рукав кофты.

— Заползай в тепло.

— А вторую? — жалобно протянула Эля.

— Ладно. Давай повезу оба чемодана, а ты руки в карманы спрячь. Хотя плащик у тебя, как лепесток...

— Зато красивый. — Эля оглянулась на увесистый чемодан и опять по-детски громко хлопнула носом. — Тебе будет неудобно...

— Ничего, уже недалеко.

— Вот именно! Я потерплю. Скоро отогреюсь... Что за лето у нас?! Октябрь, а не лето!

— Вот как раз этого мы изменить не можем...

Улыбка у Аниты получалась совсем детской, из-за того что нижняя губа чуть выступала вперед, а большие серые глаза светились. Если б не этот свет, ее можно было бы назвать невзрачной: маленькая, щуплая... Светлые, не слишком густые волосы, не закрывающие шею, вечно казались растрепанными. Одевалась она небрежно, будто схватила вещи в темноте и напялила их как попало. И что за вещи — джинсы, майки, пуловеры...

Но, как ни удивительно, это не вызывало отторжения, и многие даже находили особенную прелесть в том, насколько эта девушка свободна от каких бы то ни было условностей. Несмотря на внешнюю детскость Аниты, никому и в голову не пришло бы назвать ее «блондинкой» в анекдотическом понимании этого слова. Ее глаза излучали не только внутренний свет, но и ум. Замкнутость Аниты заставляла окружающих держаться с ней настороженно, так было даже в детстве. Ее лучшим и, по сути, единственным другом всегда была Эля.

В отличие от Аниты в лице младшей сестры не осталось ничего детского, и это нравилось ей самой. Эля выглядела юной женщиной, а не вчерашним

подростком. Высокая, тоненькая, такая же белокожая и светловолосая, как сестра, но холодноватая с виду, она только Аните позволяла называть себя «малышкой».

В ее присутствии и мужчины, и женщины ощущали безотчетный благоговейный страх: «Бывает же такая красота!» Эля и сама сознавала, что отличает ее от большинства людей, но не придавала этому особого значения. И никого не обижала сознательно, хотя ей удивительным образом удавалось вызывать у окружающих неловкость за самих себя. За то, что у них не такие утонченные черты, длинные ноги, тонкие пальцы. Волосы у Эли были куда гуще и немного короче, чем у сестры, они походили на лунный ореол вокруг лица, и тем, кто видел ее впервые, сразу приходила на ум Снежная королева. Такая коснется — и заморозит навеки...

Но это была лишь видимость. Хотя по-настоящему только Анита знала, какой у сестры веселый и легкий нрав. Однако Эля не была глупышкой. Ей просто хотелось радоваться жизни, но стоило задуматься всерьез о собственной, как мысли становились мрачными. Даже ноги наливались свинцом, а Эле нравилось ходить быстро, практически лететь над землей. В детстве она была настоящим сорванцом...

Сейчас ее передвижение тормозил тяжелый чемодан. Но взять с собой хоть немногим меньше одежды Эля не могла себе позволить: необходимо было чувствовать, что она готова ко всему. К любой непредвиденной ситуации.

А эта поездка вполне могла обернуться неожиданностями... На что они и рассчитывали.

Анита остановилась на выходе из природного тоннеля.

— Вот она.

— Кто? — Тяжело дыша, Эля выволокла из темноты чемодан и остановилась рядом с сестрой.

— Гостиница.

— Теперь принято говорить «отель». Значит, это он.

— Пусть будет — отель, — привычно уступила Анита. — Хотя я не нахожу ничего позорного в слове «гостиница». Ну что? Последний рывок?

Пальцы сестры впелись в ее плечо.

— Стой! Подожди... Я еще... не готова.

Обернувшись, Анита обеими ладонями погладила ее лицо.

— Ну что ты? У тебя было столько лет...

— Но сейчас... Это же... Вот оно!

— Только не вздумай заплакать, глаза покраснеют. Ты должна быть великолепно!

— Да не плачу я! — Эля запрокинула голову, чтобы слезы быстрее высохли. — Сейчас. Одну секундочку. Только не трогай меня!

Убрав руки, Анита тоже подняла глаза. Москва была близко, но не настолько, чтобы заслонить своим искусственным светом живые звезды. Хотя, наверное, среди них были и погасшие... Как их мать. Аните подумалось: может, Элька отыскивает в условных рисунках созвездий особый знак, который заставит ее повернуть назад? Ведь переступить порог дома, где обитает *тот самый* человек, невероятно трудно. Страшно.

Но Анита знала, что не позволит ей этого. Волоком потащит, если придется.

— Идем. — Она решительно подцепила оба чемодана.

Каблучки Эли застучали сзади — сначала неуверенно, потом все более часто и громко. Каждый шаг отрезал возможность к отступлению...

* * *

Лике нравилось добираться до гостиницы через поселок, доезжая на автобусе. А назад, когда уже вечерело, она возвращалась на электричке: до станции через живой тоннель можно было пройти за пять минут. В темноте ажурное переплетение веток наливалось таинственностью, и Лика невольно задерживала дыхание.

Не от страха! В этом маленьком подмосковном поселке под сенью древнего монастырского храма некого было опасаться. Лика исходила все его округлые улочки, которые не переставали удивлять, то заканчиваясь тупиком, то выводя совсем не туда, где она рассчитывала оказаться.

Но ей нравилась эта непредсказуемость, и уже несколько раз Лика специально приезжала сюда в свой выходной, чтобы просто побродить среди стареньких домиков с мезонинами, соседствующих с особняками. Каждый раз Лика выбирала разные тропинки и то подкидывала припасенного пшена пышным пестрым курицам, жившим целым семейством в открытом взору прохожих вольере, то обнаруживала новое граффити, копировавшее берег Клязьмы.

А в этот раз вышла к «Замку призраков» — так Лика сама назвала этот недостроенный дом, который инстинктивно старалась избегать. Третий

этаж загадочного строения в готическом стиле так и остался незаконченным, а работы прекратились. В поселке поговаривали, будто хозяина застрелили. А может, посадили... Так или иначе дом никто достраивать не собирался, ведь на заборе появился баннер «Продается». Риелтор не потрудился завесить нарисованного мелом спеленатого младенца с непомерно большой головой и хвастливо высунутым языком. Хотя теперь хвастать было вроде как и нечем.

Несколько раз отец предлагал ей остаться ночевать в пентхаусе, но Лика догадывалась: его заботит вовсе не ее безопасность. Петру хотелось свести дочерей, чтобы они, как два одиноких зверька, уцепились друг за друга и выжили, если с ним что случится, как было с владельцем «Замка призраков»... Лучше быть готовым ко всему.

Наверное, Лика сумела бы найти общий язык даже с таким дичком, как Тася, потому что без труда находила его со всеми. Вот только ей совершенно не хотелось этого. Ну, не удавалось ей забыть, что ради Тасиной матери отец обрек ее на полусиротство...

Теперь Петр искал у нее поддержки. Ирония судьбы: ему — богатому и сильному — понадобилась помощь когда-то брошенного им ребенка. Больше не к кому было обратиться.

Отец догнал ее в древесном тоннеле.

— Я думал, ты хоть сегодня побудешь с нами!

— А что такого с сегодняшним днем? — удивилась

Лика.

Сунув руки в карманы толстовки, без которой вечером уже было холодно, она слегка покачивалась вперед и назад, глядя на носки разноцветных

кедов. Это же обычно Тася прячет глаза, стоя перед отцом, Лика же никогда так не делала.

Обдало ознобом так, что она передернулась, но отец понял это по-своему.

— Замерзла? Давай вернемся домой.

— Мой дом в Москве, — Лика постаралась, чтобы это прозвучало помягче. Ссориться с щедрым работодателем не с руки, даже если это твой отец.

— Но иногда ты можешь переночевать у нас. Особенно...

— Сегодня, — закончила Лика за него. — Что за событие сегодня? У нее день рождения? Разве не в сентябре?

— Не рождения. Наоборот.

— Я поняла, — прервала Лика.

И обругала себя: «Вот я дура! Могла бы и догадаться».

Тишину нарушил быстрый перестук каблуков. Кто-то приближался со стороны станции и уже готов был вынырнуть из темноты. Лика уловила дребезжание чемоданных колесиков: женщина явно направлялась к ним.

— Гостя, — бросила она, чтобы отец успел войти в роль радушного хозяина.

— Две, — ответил Петр так тихо, чтобы разобрала только дочь.

— Придется возвращаться... Максим взял три отгула.

— Я в курсе. У него что-то там с собакой.

— Серьезно?! — встрепелась она. — А мне не ска...

Оборвала себя прежде, чем отец расслышал обиду в голосе. Не обязательно ему знать... Зачем вообще старшая дочь, если есть Тася — любимица?

И все же Лика не раз замечала, как упорно отец пытается притянуть ее, удержать возле себя. На мгновенье даже померещилось, будто он подстроил приезд этих женщин, которых она все еще не могла разглядеть. Нанял каких-нибудь знакомых, чтобы явились на ночь глядя и вынудили ее вернуться в гостиницу. И остаться ночевать...

Но Петр сказал:

— Если торопишься, я сам могу оформить.

— Это моя работа.

Лика произнесла это не резко, стараясь не обидеть его, но твердо. С первого дня она старалась делать все так добросовестно, чтобы ни у кого не возникло мысли, будто отец делает ей поблажки.

Желтый всполох в темноте... Лика прищурилась: плащ? Или что это на ней? На той, что повыше.

«Вот это ноги!» — едва не вырвалось у нее.

Быстро взглянула на отца: уж он-то, конечно, заметил! Если даже ей сразу в глаза бросилось... Гости уже приблизились настолько, что Лика ахнула: девушка-цветок! Золотистый бутон на длинном, ровном стебле.

Еще несколько шагов, и новое удивление: «Какое лицо! С нее сказочных принцесс рисовать можно...»

На ее спутницу Лика поначалу и внимания не обратила. Присутствие отметила, конечно. Кто-то там маячит позади... Невзрачный. Не важный. Бледный мотылек вьется вокруг цветка.

— Простите, вроде бы где-то здесь отель?

Прозвучало вежливо, но холодно. Снизошла до разговора с простыми смертными. И слово «отель», которое Лика не любила, царапнуло. Но обижаться

было не с руки, каждый постоялец в их глуши на вес золота!

И она ответила с обычной приветливостью:

— Вы практически пришли! Мы будем рады вас принять. Петр Николаевич — хозяин нашей гостиницы.

Он чуть склонил голову в поклоне.

— Позвольте помочь с чемоданом?

— Прошу!

«Бросила, как слуге, — отметила Лика. — А он и проглотил! Хорошо быть красавицей... Тебе прощается любое хамство».

Она повернулась к другой девушке, похожей на мальчишку, в джинсах и ветровке.

— Вам помочь?

— Не стоит, я справлюсь. Меня зовут Анита. Если что... Эля — моя младшая сестра.

— Очень приятно, — отозвалась Лика машинально.

Каблучки уже стучали впереди, вынуждая спешить следом. Лика только усмехнулась, поглядев на чудом выпрямившуюся отцовскую спину. Он бодро тащил за собой чемодан, тарыхтение которого заглушал разговор, завязавшийся между этими двоими.

— Вы приехали осмотреть монастырь? — спросила Лика громко, чтобы никому не показалось, будто она подслушивает.

— Монастырь? — Анита едва слышно рассмеялась. — Даже не знала, что он тут есть.

— Есть. Очень старый — тринадцатого века. Вам стоит там побывать.

— Действительно, стоит...

Что-то в ее голосе заставило Лику насторожиться. Ирония имела едкий привкус. Мысль о монасты-

ре горчит? Лика еще раз окинула ее взглядом: каково быть тенью сестры? И встретила прямой взгляд.

«А глаза! — ахнула про себя. — У младшей нет таких глаз...»

— У вас сейчас много постояльцев? — спросила Анита, отведя глаза.

— У нас в принципе немного места. Сейчас заняты десять номеров. Но для вас есть очень хороший!

— Кто у вас останавливается? Туристы?

— В основном.

— А как называется ваша гостиница?

— «Дом на холме».

— Холм-то невысок...

— Это верно. Но это не я придумала название...

Вот и пришли.

Петр уже распахнул дверь и сам проскочил за Элей, забыв, что за ними идут еще двое. Лика усмехнулась и встретила понимающий взгляд Аниты.

— Надеюсь, моя сестра не испортит ваши отношения?

— Не поверите, — весело отозвалась Лика, потянув дверь на себя. — Он сам все испортил много лет назад... Это же мой отец.

* * *

Голубя он заметил не сразу.

Шагнув из подъезда, так и ахнул, прищурившись от густой, как на детском рисунке, синевы неба. Наконец-то! Уже казалось, лето вообще не наступит...

Час назад, когда Максим Филимонов выгуливал щенка, и намека не было на то, каким станет этот

день. Они уныло тащились с Троллем от дерева к дереву под мелким дождиком, который хоть и не был осенним, но тоску нагонял ничуть не хуже. А теперь поглядите-ка!

«Счастье только таким и бывает — внезапным!» — подумал он и подался навстречу июлю, очнувшегося от подростковой депрессии. Почему, взрослея, охотнее веришь в лучшее? И даже реверсивные следы от самолетов начинают казаться стрелками, оставленными судьбой, которая показывает верный путь, как в игре «Казачьи разбойники». Кажется, его поколение было последним, чертившим стрелки белыми мелками... Многие ли отыскивали свой клад?

— Только не я, — пробормотал Максим, заставив себя опустить голову. Должно быть, странно выглядит тридцатилетний человек в хорошем костюме, глупо улыбающийся небу.

Еще один шаг, и лохматый куст шиповника закрыл бы птицу на бетонном отливе под окном первого этажа, беспомощно барахтающуюся в собственной крови. Не сразу сообразив, что у голубя сломано крыло, Максим первым делом подумал о кровожадной кошке, почему-то бросившей добычу... Может, он ее и спугнул, открыв дверь подъезда?

— Ох, бедняга, — вырвалось у него. — Что же с тобой случилось?

Это был ненужный вопрос, ведь никто не мог на него ответить. И Максим начал лихорадочно искать другие ответы: что теперь делать с этим голубем? Поможет ли ему ветеринар? Или птица уже при смерти?

Он взглянул на часы: если опять опоздает, Петр уволит его к чертовой матери, а такую непьющую